

Елена Кравцова
От корней к свету

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Кравцова

От корней к свету

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73269638

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот сборник состоит из коротких рассказов, сказок и притч с элементами мистики о внутренней трансформации, исцелении и возвращении к себе. Поэтому книгу можно читать не линейно.

Многие рассказы созданы из изображений, которые я рисовала на основе кофе. Это напоминает метафорические карты и наблюдение за облаками. В МАК вы смотрите, что это изображение значит для вас, а наблюдая за облаками смотрите на что они похожи.

Завершается книга циклом "Двенадцать сфер жизни".

Содержание

Граненый стакан	9
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Кравцова

От корней к свету

Та самая ночь

– И вот, наконец, пришла та самая ночь, когда самые далекие звезды стали видны на небе. Они светили так ярко, как будто приблизились к земле. И от их света – распустились магические цветы. Они росли и росли, пока не сравнялись с деревьями. По мере того, как они вырастали – распускались их лепестки. И сладкий аромат цветов распространялся по всему лесу. Каждый, кто почувствовал этот аромат, взлетал к небесам, и парил в них всю ночь напролет. И только с первыми лучами рассветного солнца – аромат рассеивался и они спускались на землю. Но в их душе навсегда оставался след этой ночи и жажда полета.

Спустя время, некоторые из летавших, стали замечать таких же, как они. Легкий след аромата цветов всегда сопровождал каждого из них. Они образовали свое сообщество, начав передавать знания о полете в легендах и сказаниях. Но не все хотели делиться этой тайной, и в сообществе начался раздор и преследования. И когда наступила та самая ночь и звезды приблизились – цветы раскрылись. Но лишь некоторые из них были прежними. Часть – потеряла цвет, аромат цветов не смог распространиться, как и прежде, поры-

вая весь лес, и полет – не состоялся. Желаящие сохранить тайну кричали, что виноваты те, кто распространял легенды. Но я то знаю, что цветы были отражением нашего раздора. И чтобы вновь взлететь – нужно стать едиными.

– И тогда я тоже смогу полететь? Да, бабушка? – спросила, лежавшая в кроватке вихрастая девочка.

– Конечно, родная, – погладила ее по голове бабушка, и подоткнув одеяло подошла к окну.

Сегодня была «та самая ночь».

Одинокая гора

Солнце выскользнуло из-за горизонта, осветив поле с раскрывающимися цветами и травой, блестящей от росы. Взлетели насекомые и, охотящиеся за ними, птицы. Вот одна полетела дальше по полю и солнечный луч скользнул вслед за ней, освещая стоявшую возле поля гору.

Гора была сплошь вся в камнях, без растений. Ее быстро пробегали животные и облетали птицы. Так она и стояла, одинокая и зловещая, наблюдая за бушующим рядом цветущим изобилием и жизнью. Только грозовые тучи, гонимые ветром, касались ее острых боков, спускаясь достаточно низко во время дождя.

Однажды, из одной такой тучи выпорхнуло семечко. Оно всколыхнулось несколько раз и упало на самый край горы. Ветер подхватил его, желая унести дальше, но с горы сорвал-

ся камень и придавил семечко. Покачиваясь под ревущими порывами ветра, он толкнул семечко в одну из щелей. Грянул дождь обильно заливая гору, желая смыть семечко вниз, в поле. Но мелкие камушки преградили путь семечку, и дождю ничего не оставалось, как отступить, вслед за ветром.

Спустя время, пригретое солнцем семечко, проросло. И на краю горы зазеленело тоненькое дерево. Оно цеплялось корнями за гору, прорастая все глубже. Корни выросли больше дерева, скользя между камнями и оплетая гору. Гора, радуясь, что не одна, освобождала путь корням, сбрасывая лишние камни. Вновь налетавшие порывы ветра, не могли скинуть его с горы. И вот уже трава стала прорастать на ней, и она перестала быть одинокой и зловещей. Постепенно ее перестали бояться, и к дереву стали прилетать птицы.

Однажды на дереве появилось гнездо. Гора была очень довольна, что стала таким обжитым местом. Но ветер все не унимался. И, когда в гнезде появились яйца, он пригнал особо черные тучи к горе, а сам обрушил всю свою мощь на дерево. Сбросить его он не мог, но гнездо... И вот очередной порыв и гнездо слетает с дерева. Но дерево, помня, как оно само годами цеплялось корнями за гору, вцепилось в гнездо ветвями, изо всех сил сопротивляясь порывам ветра. Гора, замерев от ужаса на секунду, в следующую – разразилась рокотом, похлеще черных грозовых туч. И те, уstraшенные, понеслись дальше, подгоняемые порывами посрамленного ветра. А вслед им неслись раскаты горы, раскалыва-

ющейся на части, в попытке спасти и укрыть ее дерево.

Когда все затихло, птицы полетели проверить свое гнездо, и обнаружили, что гора перестала быть высокой, зато стала широкой. И, провалившееся в ущелье деревце с гнездом, было укрыто от ветра и туч, зато рядом – забил родник.

Сад желаний

Есть за горами, за лесами, волшебный сад. Растения в нем – это самые сокровенные людские желания. За садом ухаживает милая девчушка. Когда она слышит перелив колокольчиков, то идет внутрь горы, в хранилище, и выбирает самое лучшее семечко для взращивания нового желания. Она сажает и ухаживает за ним, чтобы оно росло, и, однажды, вошло в полную силу. Когда такое происходит: мечта загадавших – осуществляется.

Но взращивая растение, девчушка делает только половину работы, а другая половина приходится на людей, которые загадали это желание. Ведь многие желания у людей совпадают. И чем больше, каждый из загадавших желание, делает для его осуществления, тем большее воплощение своего желания в жизнь – он получит. Но если он сдастся на полпути, то и получит $\frac{3}{4}$ от своего желания, а тот, кто сделал больше своей половины – заберет его часть.

Девчушка всегда делает свою половину. А вот люди – нет. Она от этого очень расстраивается и плачет. И когда она пла-

чет, ее верная волчица, охраняющая сад, бежит в мир людей по лунной дороге, прямо в их сны, и пугает их, навевая кошмары и суля беды, в надежде, что люди одумаются.

Так они и живут вдвоем, служа мечтам других людей.

Граненый стакан

Его купили в магазине, только потому, что других не было, а пить из чего-то было нужно. Простой стеклянный граненый стакан. Он служил верой и правдой, всегда старался сохранить воду свежей и прохладной, передавая тепло по граням, с одной на другую, от чего ему порой казалось, что сейчас он закрутит в своем стакане смерч.

Он ловил солнечные лучи своими гранями и тогда в воде и вокруг появлялись красивые блики. Когда блики касались рук – люди смеялись, и стакан становился счастлив. Ему очень хотелось отблагодарить за то, что его забрали с пыльной полки в магазине. И он старался день ото дня.

Но на новоселье в квартире появились новые красивые стаканы, и его поставили на полку. Полка становилась пыльной. На стакане стал появляться налет, и как он ни старался, не мог уже поймать гранями солнечные лучи. Он смирился со своей участью и стал ждать, когда от него избавятся.

Прошло два года и чьи-то руки взяли его с полки, помыли, поставили сушиться на поднос на подоконнике. И робкий солнечный лучик коснулся одной из граней. Стакан мигом подхватил его и закрутил в вихрь, собираясь отправить блик по комнате. Но блик отразился от быстро приближающейся металлической поверхности. Раздался звон. Стакан раз-

летелся на множество осколков, которые брызнули солнечными лучами во все стороны, наполнив бликами всю комнату. Человек засмеялся, бережно собрал и приклеил осколки на картину.

Картина была центральным украшением новой выставки. И бывший стакан ловил острыми гранями свет и передавал его по всему залу. Люди, ловя на себе блики, смеялись. И стакан был очень счастлив, что когда-то его купили с пыльной полки магазина.

Полотенчико

Диана с матерью не были близки и общались редко, по праздникам: дни рождения, свадьба... Родила Диана дочь. Позвала мать в гости. Мать принесла ей сверток, в котором обнаружилось полотенчико, и сказала:

– Дочка, это полотенчико непростое, заговоренное еще твоей прабабушкой. Если ребенок сильно заболит – подложи ему полотенчико под голову и проговори: “С моей ляльки болезнь уйди, к матери моей приди”. И болезнь ко мне придет. А уж там – как справлюсь.

– Да как так можно-то? – возмутилась Диана.

– Да никак. Я тоже сначала возмущалась, когда твоя бабушка мне его отдала, упокой Господь ее душу. А как ты у меня от лихорадки чуть к прабабушкам не отправилась, так и применила.

– Чего ты придумываешь? – изогнула бровь Диана.

– О своем роде заботиться надо. Я готова – не переживай.

Диана покачала головой и убрала полотенчко в дальний шкаф, решив, что мать совсем заговариваться стала. Никогда она ничем ради Дианы не жертвовала, ни карьерой, ни весельем. Все для себя жила. А тут: демонстрирует, что жизнью пожертвует? Да никогда она такого не сделает. Да и что может произойти такого, чтоб к полотенчику этому прибегнуть?

Время шло, дочка росла крепенькой, не болела совсем и Диана забыла о словах матери, да о полотенчике. Но, однажды, поругалась с мужем. Он схватил дочку и уехал. Злость – плохой советчик: врезался в другую машину и погиб, дочка в коме. Лежит неделю, Диана рядом с ней, осунулась, почернела вся от боли, никого вокруг не замечает. Мать посмотрела на нее, забрала ключи от квартиры и пошла за полотенчиком. Отыскала, да в больницу принесла. Диану встряхнула.

– Вот, положи и заговор скажи, – протянула полотенчко Диане. – Я готова.

– Что? – безучастно спросила Диана.

– Дочка, – присела перед Дианой мать, – я не самая заботливая, но и тебя и внуку люблю. Сделай, что должно.

– Не поможет же. Чушь – все ваши заговоры.

– Не поможет – значит точно можешь прочесть со спокойной душой. Ты всегда взрослая была, самостоятельная. Все знаешь, все умеешь. Дай мне хоть раз помочь тебе. –

продолжила мать. – Прочти заговор, хоть ради меня и моего успокоения; что сделала все, что могу.

– Ради тебя? – прошептала Диана. – Да. Во всей жизни есть только ты. Все как обычно. Даже сейчас себя волнуешь только ты, – подняла тяжелый взгляд на мать Диана. – Кто поверит тебе? В самопожертвование сыграть хочешь? Даже внучку приплела? – взвилась Диана. – Ничего святого у тебя нет! Пошла прочь!

– Злость – плохой советчик, дочка... – начала мать.

– Вон! Пошла прочь! Убирайся! – завизжала Диана.

Мать положила возле Дианы полотенчко и ушла, вытирая рукавом бегущие по лицу слезы.

Диана посидела в злости, да в раздумьях. Встала и взяла полотенчко.

– Ради тебя? Хочешь, значит, полезной быть? – скомкала полотенце и бросила в урну со словами. – Убирайся из моей жизни, – и вновь села рядом с дочерью, взяла ее за руку, погладила по голове. – Мы и так справимся.

Поздно вечером пришла мать в палату. Диана уткнувшись лбом в кровать, скрючившись, спит. Оглядела палату в поисках полотенчика.

– Вот, я постирала, раз вам важно, – тихо сказала вошедшая медсестра, и протянула сложенное полотенчко. – Так и знала, что придете. Мать нипочем ребенка не бросит, даже если просит.

– Да, – сглотнула мать и, взяв полотенчко, слабо улыб-

нулась, – спасибо. Я тут побуду, не против?

– Сидите конечно, – произнесла медсестра и ушла.

– Ну что, рискнем? – подложила мать полотенчко под голову внучки, погладила по волосам. – С ляльки моей дочери болезнь уйди, ко мне приди. – Поцеловала внучку в лоб и ушла.

Наутро очнулась девочка, улыбается. Диана от радости плачет.

– Выкуси, мама. И без твоей помощи обошлись, – злорад-но прошептала.

– Какая сильная девочка, – с улыбкой зашла медсестра, – справилась. Извините, что не в свое дело лезу, но вы матери-то напишите, а то волновалась, вечером поздно приходила.

– Что? – растерялась Диана.

– Да, приходила. Сгоряча, что только не наговоришь, но мать – все стерпит.

– Хорошо, позвоню, – произнесла враз онемевшими губами Диана, схватившись за трубку.

– Абонент временно недоступен, – услышала в трубке Диана, смотря на полотенчко под головой дочери.

Возвращение

Свет лился в окно, постепенно заполняя подоконник, полку, раковину, грязную плиту с засохшими следами кофе.

Дойдя до середины кухни не уgomонился, а настойчиво продолжил заливать вторую половину. Оmyв всю кухню, взъерошил волосы сидевшей за столом девушки и, как будто отчитавшись об уборке, покинул кухню. Девушка не пошевелилась, а все так же, опустив тяжелую голову на сцепленные руки, продолжила сидеть не замечая ничего вокруг.

Темнело. По кухне замелькали красные огни от проезжавших мимо машин. Вдруг раздался громкий стук в дверь, девушка оглядела бессмысленным взором кухню и снова уронила голову.

– Ли́ка! – раздался крик и стук повторился.

Кто-то очень настойчиво долбилcя в дверь. Девушка наконец сфокусировала взгляд и, тяжело опираясь на столешницу, поднялась и прошаркала открывать. Распахнула дверь и чуть не упала от удара в голень.

– Ой!

– Ли́ка! – обернулась Таня. – Прости. Очень больно?

– Да! – протерла тыльной стороной ладони брызнувшие из глаз слезы Ли́ка. – Зачем так ломиться?

– Зачем? – всплеснула руками Таня. – Да я весь день пишу, звоню. С того момента, как ты написала, что этот козел вещи собрал. Думала труп твой найду.

– Не мели чушь, – дохромала до кухни и плюхнулась на стул Ли́ка.

– Чушь? А кто на работе не появился?

– На работе? Который час? – стала оглядываться в поисках

телефона Лика.

– Вечер уже, балда.

– Да? Ну вечер, и что?

– Ничего, – откликнулась Тамара опустошая сумку.

– Это что? – ткнув пальцем в водку, приподняла бровь Лика.

– Это – обвела рукой Таня, – банкет. Вначале помянем твоё пятилетнее помутнение рассудка, а затем отпразднуем его возвращение. Ты телефон то достань, я тебе письмо прислала.

– Дубай? Ты ненормальная?

– Как скажешь. Мы с тобой с завтрашнего дня в отпуске. Я столько ждала, чтобы мы вместе отдохнули как следует. И не намерена ждать больше. А то ты, глядишь, очередного козла найдешь и прощай мои планы на отпуск с лучшей подругой на энное количество лет. Я так состарюсь! И не спорь – наставила на Лику нож из под сыра Таня.

– Да я что, я согласна – живот требовательно заурчал и Лика стянула кусочек сыра из тарелки.

Свет залил подоконник, полку, раковину, плиту и запутался в волосах весело щебечущих за утреним кофе девушек.

Попутный ветер

Солнце вновь, как и каждый день, поднималось над горой.

И снег, наконец, сдался и стал таять. На этом стыке, между теплом солнца и холодом подтаявшего снега – родился Ветерок. Он закрутился вихрем и скатился с горы в низину, в лес. Он был маленький, озорной и любопытный. Летая по полям, он смахивал пыльцу с цветов, подлетал под крылья бабочек и поднимал их высоко, наблюдая, как они планируют вниз. И когда они вновь присаживались на цветы – вновь срывал их. Так развлекался он до заката, пока бабочки не отправились спать. Тогда он унесся вглубь леса.

В лесу он встретил группу туристов. Ветерок притаился в расщелине между камней и робко выглядывал, наблюдая за тем, как устанавливают палатки и разжигают костер. Ночью, когда туристы ушли спать и последняя палатка закрылась, он выбрался из расщелины и стал с любопытством носиться по полянке между палатками. Весело гремела задеваемая им утварь, подскакивали в палатках люди, громко перекиваясь между собой. Когда такое произошло впервые, он, испугавшись, залетел между собранными в кучу пустыми бутылками. И звук, раздавшийся из множества пустых горлышек, заставил людей с криками “Волки!” метаться по полянке и залезать на деревья. Ветерку понравилась эта игра, и он устроил ее еще два раза, пока кто-то не догадался откуда идет звук. Тогда люди со смешками вновь забрались в палатки и стали только перекикиваться друг с другом. Но на рассвете уже ничто не могло их разбудить, Ветерку стало скучно и он отправился дальше.

Проносясь на рассвете по деревне, он смахнул плохо закрепленное подсыхающее белье с веревки на соседнее дерево. Вышедшая зевающая девушка так и застыла с открытым ртом, наблюдая за планирующим на верхушку дерева пеньюаром. Пеньюар смотрелся красиво, но нелепо. Ветерок закрутился возле девушки, взметнув вверх ее длинные волосы, решил что на ней пеньюар будет смотреться лучше, и смахнул его с дерева к ней в руки.

Влетев в раскрытое окошко дома, Ветерок перевернул несколько страниц оставленной на столе книги, заглянул в кипящие кастрюли и упорхнул дальше, лишь занавески остались качаться снаружи дома.

Пролетая мимо моря, он заметил несколько яхт с парусами, которые просто болтались, и люди пытались с ними что-то сделать. Ветерок, с любопытством подлетел к ним и, собрав вокруг себя зарождающиеся новые ветра, разросся и наполнил паруса людей. Услышав наконец крики счастья, он дул так сильно, как только мог. Летящие вперед по воде яхты ему так понравились, что он так и остался возле воды. Ему дали имя “Попутный ветер”. Оно веселило его, потому что он далеко не всегда дул в ту сторону, куда хотели люди. Очень часто он даже выбирал противоположную сторону.

Однажды, он почувствовал сильное притяжение. Такое, как когда-то источал сам, впервые вбирая в себя новорожденные ветры возле берега. Он долго сопротивлялся, но чем больше он сопротивлялся, тем быстрее истончался. Из него

забирали по кусочкам, по капелькам и наконец, он оказался к источнику так близко, что увидел его. Между небом и землей носился закрученный ветер. Он содержал и воду и воздух. Люди на яхте кричали: “Ураган!”; и старались повернуть подальше от него. Ветерок схватился за парус, в надежде скрыться от урагана и остаться собой, но парус выгнулся в другую сторону и погнал яхту прямо к урагану. Тогда Ветерок собрал все свои оставшиеся силы, только свои, ведь чужие из него уже забрали, и подул в сторону от урагана. Ему было очень тяжело, он думал, что не справится, но не сдавался. Он дул и дул, и тут ураган повернул в другую сторону. От такой внезапной смены направления, Ветерок не смог остановиться сразу и понес яхту вперед на невероятной скорости. Он так устал, вымотался и испугался, что добравшись до берега скрылся среди деревьев в лесу и уснул, восстанавливая силы. Никакие крики с воззванием к попутному ветру не могли заставить его вновь наполнить паруса, пока однажды он не проснулся...

Искры счастья

Много лет назад она умерла. Это было самое прекрасное событие ее жизни, которого она безмерно боялась, замирая едва услышав о смерти. И вот одним теплым вечером, когда она гуляла по мосту, наслаждалась видом цветущих деревьев и мечтала, что однажды увидит сакуру, у нее вырва-

ли сумку и толкнули в воду. В реке было не очень глубоко, да и вечер был многолюдным. Но, на беду, под мостом проплыл катер с туристами и она попала под его лопасти. То, что выловили – уже мало походило на нее. Она вынырнула рядом со своим телом, посмотрела на него с одной стороны, поднырнула с другой, взглянула даже под водой, но так и не почувствовала к нему привязанности, как-будто оно было не ее. Она еще слышала крики людей, завывания скорой... Но это было так незначительно, что, почувствовав сонливость она погрузилась на самое дно, расстелилась по нему мягким ковром и уснула.

Сколько она так спала – она не знала. Но, однажды, она почувствовала волны. Они задевали ее, будто звали за собой. И она откликнулась на зов.

Она поплыла, встречая вначале речных обитателей, следом морских. Увидев белуху она замерла, обтекла ее с разных сторон, дотронулась. Но белуха лишь поплыла дальше, ощутив чуть большую, чем обычно, плотность воды.

Она не знала – чем она была, но тут где-то возникло название: “северный морской путь”, и она ощутила радость, от чего в воде появились маленькие искорки. Она ныряла на глубины, рассматривала айсберги под водой не чувствуя ни усталости ни холода. Она поднималась на поверхность, распрямлялась по ней и наслаждалась северным сиянием. И повсюду ее сопровождали искры ее радости и счастья. Наконец, насладившись холодом, она направилась по течению на

юг, к местам, в которых еще не бывала.

Ее сознание, она чувствовала, должно было раствориться в этой толще мирового океана. Но она так жаждала путешествовать, что старалась сохранить ту часть себя, которая искрилась от радости и счастья.

Но, однажды, она потеряла себя, а нашла уже в другом месте. Она помнила, как плыла по океану и вдруг – стекает из фонтана. Она расстроилась, но оглядевшись увидела что она в фонтане, который стоял в прекрасном саду, окруженном сакурой. Её мечта исполнилась, пусть и не так, как она планировала. От ее радости – фонтан засиял множеством ярких искорок. Это было так красиво, что когда она решила двигаться дальше и обнаружила, что выбраться довольно сложно – океан отправил к ней на помощь ветер. Ветер подхватил ее и перенес к океану. И он – ощутив, вновь, ее радость и заметив в толще воды множество сверкающих искр – отпустил ее, а искры разнес по всему свету.

Почувствовав, вновь, океанское течение и больше не теряя себя, она вспомнила все места, которые мечтала, но не могла посетить. Она отправилась в путь и по сей день, продолжает плавать по всему миру и забираться в самые дальние уголки планеты. А когда искорки ее радости и счастья заполняют толщу воды – океан подхватывает и распространяет их по всему миру. Ведь что может быть лучше, чем делиться радостью и счастьем.

Летнее Солнцестояние

Вероника сидела в деревне, в старом домике бабушки, подперев щеку рукой и смотрела окно, как будто в экран телевизора. В окне показывали сумерки. На фоне выступали орудия сверчки, гарланя так, будто предсказывали конец света, да вдалеке, над лесом, алел апокалиптический закат.

Из окна открывался прекрасный вид на сад. Когда-то красивый, усыпанный цветами и ягодами, а сейчас поросший бурьяном. В конце заросшей тропинки поскрипывала приоткрытая калитка. Замок был сломан. Больше в окне ничего не показывали.

Телевизор в доме был – не было электричества. Вероника благополучно забыла его оплатить, за ненадобностью. Она сюда уже несколько лет не приезжала. Да если б с Колькой не рассталась – так бы сюда и не приехала. Была, конечно, Рада, к которой всегда можно было пойти. Но, учитывая, что она-то и являлась причиной расставания – она, Рада, была бы очень «рада», увидев Веронику у себя на пороге квартиры после произошедшего. Произошло, конечно, не бог весть что: опознав ее ноги (по татуировке) возле ушей Коли, Вероника отдубасила обоих подушкой, смачно плюнула на постель, гордо покидала вещи в чемодан и ушла из, чужого для себя, дома. Идти было решительно некуда. И Вероника, послонявшись по ночному городу, добрела до вокзала. Села на первую электричку, проезжавшую мимо деревни бабушки, и

приехала в старый, но такой родной, домик. Дом, в котором ее всегда ждали вкусняющие пирожки и улыбка бабушки. Не удивительно, что мозг пошел по проторенной тропке в поисках убежища. Напрочь забыв, что бабушки уже несколько лет как нет, Вероника ввалилась в калитку, и только увидев бурьян в саду – опомнилась.

Дом достался в собственность Веронике, как единственной внучки. И, с ее постоянным отсутствием, совсем обветшал. Найдя на своей связке, по совместительству – убийце насильников, нужный ключ, отперла дверь и оглядела пыльное великолепие усталым взглядом. Снаружи окликнула соседка, баба Люся. Получив нужную информацию – где магазин, куда внести оплату за газ, электричество, воду и какой интернет провайдер, в этом захолустье, выполняет свои обязанности – Вероника приступила к уборке. Хорошо хоть колодец да печку не убрали. А то было бы совсем тяжко. И вот теперь, устав и подперев щеку рукой, Вероника тупо пялилась в окно.

Сумерки сгущались. Она подготовила постель, пока ещё что-то видно, и зажгла свечу. Свеча из натурального воска горела спокойно и ровно. И Вероника засмотрелась на огонь. Внезапно, позади, раздался скрип открывающейся двери. Вероника, миглом встрепенувшись, оглянулась.

– Привет, родная. Замерзла поди? – набросила на плечи Веронике шаль, бабушка.

– Ба? Ты тут каким боком? – опешила Вероника.

– Знамо каким. Ты грустишь, домой приехала. Вот я и пришла. Кто ж ещё то тебя поддержит да приголубит? – подошла к столу бабушка.

– Никто, – всхлипнула Вероника.

– Ну-ну, радость моя, – погладила по голове Веронику бабушка.

Вероника, развернувшись, обхватила ее руками, уткнулась лбом в мягкий, такой родной живот и разрыдалась окончательно, бессвязно лепеча проклятья в адрес бывших парня и подруги. Бабушка была рядом, гладила по волосам, и слушала. Все, как раньше. Вероника даже вспомнила, как та жалела ее, когда соседский мальчишка ей в глаз зеленым яблоком засветил. Синячище был... а там, как раз костры да танцы на праздник Солнцестояния. И она, такая красавица, с фингалом.

Успокоившись, Вероника вздохнула и подняла взгляд на бабушку.

– Пойдём, Верочка, прогуляемся, – только бабушка ее так называла, говорила, что с этим именем – ее счастье ждет, чего не сказать о выбранном родителями.

– Ночью? – опешила Вероника.

– Да ночь нынче короткая совсем, не страшно.

Вероника поднялась, потянулась затушить свечу, но бабушка положила ладонь ей на плечо и помотала головой. Поправив шаль на плечах, Вероника последовала за бабушкой.

Они прошли сквозь сад, вышли через калитку, и через поле пошли к лесу. Поле шелестело колосьями им вслед. Налетевший свежий ночной ветерок заставил зябко передернуть плечами, но бабушка, не по старчески бодро, шла вперёд. Задрав голову – Вероника увидела огромное небо, полное звёзд. Завороженно рассматривала она звёзды, пока дошедшая до леса, бабушка ее не окликнула. Быстро преодолев разделяющее их расстояние – она шагнула под сень леса. Бабушкина спина мелькала впереди, и Вероника, в попытках догнать ее, беспрестанно спотыкалась о корни деревьев, отвалившиеся сухие сучья да ветки. Влетев на полном ходу в паутину, Вероника тоненько взвизгнула, завертелась и упала, ободрав ладони в кровь.

– Верочка, – окликнула бабушка, – смотри.

Вероника поднялась и взглянула в направлении, которое указывала бабушка. Вдали, между деревьями был виден отблеск костра. Видя четко направление, Вероника, наконец, перестала спотыкаться и пошла рядом с бабушкой.

Выйдя из леса – оказались на берегу реки. Вероника завертела головой, в попытках определить, куда это они зашли? Местность была незнакомой, как и женщины вокруг. Разных возрастов и национальностей, они стояли, сидели, разговаривали, пели, бренчали на инструментах и танцевали вокруг огромного костра. Каждая, как уникальная звездочка.

ка, но все вместе они удивительным образом соединялись в огромное созвездие, сияющее и недоступное.

Бабушка уверенно прошла к одной из групп и присоединилась к разговору. Вероника же, стояла в отдалении, не решаясь шагнуть за какой-то невидимый барьер. Он покалывал все тело, при каждой попытке приблизиться к костру.

– Соберись и иди. Ты не одна, – уговаривала себя Вероника сделать шаг к костру. – Соберись, говорю. У-у-у-у, тряпка, – зло стукнула себя по бедру, но и это не возымело действия.

– Ты чего это тут стоишь, одна одинешенька? – Вероника сморгнула выступившие, злые слезы и посмотрела на молодую девушку перед собой.

Она вся была как солнышко, в веснушках, с рыжими волосами, карими глазами, в которых плясали веселые красные блики от костра, и улыбалась широкой открытой улыбкой. Вероника, всхлипнув, сглотнула, мигом успокоившись и прошептала.

– Не получается.

– Что не получается? – звонкий голос разнесся над поляной и все обернулись в их сторону.

– К костру подойти, – еле выдавила из себя пунцовая от досады, обиды и злости, на себя и девушку, Вероника.

– А-а-а, так сперва надо с тем, что тянет – расстаться. Идем, я тебе помогу, – и девушка настойчиво потянула Веронику за собой.

Издевается, наверное, подумала Вероника. Но под взглядами послушно пошла за девушкой. Они пошли по кругу, вдоль костра и девушка без умолку продолжала говорить, задавать вопросы и тащить Веронику, вяло отвечающую на вопросы, за собой.

– Страшно было, ступить в круг. Почему? Ну, а вдруг я недостойна? Скажут – уходи. Чего достойна? Быть выбранной. Кем выбранной? Не знаю, не думала. Да, не знаю, я, когда впервые не была выбрана. В детстве? Ну, может и в детстве. Когда мальчик в детском саду предпочел мне мою подругу, хе-хе. Да не смеюсь я. Но глупость же, помнить, что произошло в садике и думать, что это влияет на меня сейчас. Хотя... Часто ли меня не выбирали? В чем? Ну сейчас-то как раз рассталась из-за подруги. Нет, не той же самой, дружкой. Да, и в работе, меня нанимают только тогда, когда все заняты. Даже те, кто явно хуже. Не понимаю, почему меня не выбирают?! – сжав кулаки и топнув со всей дури ногой заорала Вероника.

В этот момент, как будто лопнула невидимый барьер в теле Вероники, как и вокруг костра, и она с ужасом посмотрела на повалившийся из себя черный дым.

– О! Вот и славненько. – довольно потерла руки девушка, смотря на черный дым. – Быстро управились.

Дыма становилось все больше больше. Вероника наблюдала – за выходящим из собственного тела дымом – с открытым ртом, не понимая откуда он взялся и что с этим теперь делать. Дым оформился в человека и, повернувшись к Веронике, улыбнулся очень знакомой улыбкой. Вероника смотрела на саму себя, не в силах пошевелиться.

– Толкай ее, – прошептала на ухо девушка.

– А? – отмерла Вероника.

– Надо сжечь в костре лишнее, тянущее твою энергию. То, что мешает тебе жить.

– Да куда уж ей, – дымная копия протерла ногти о себя, и, вытянув руку, залюбовалась бликами от костра, играющими на них.

– Кхе, – закашлялась Вероника.

– Кхе-кхе. Ты просто, как старушка. Давай лучше я тебя в костер отправлю, и займу твое место. Тогда тебя уж точно выберут. Ведь в твоём теле буду я, другая Вероника. Совершенная. Лучшая твоя версия.

– Толкай, – снова зашептала девушка.

– К-к-к-как же ж. Она ж живая, вроде... – застучала зубами Вероника.

– Рано ты меня из себя вытянула, не готова. Два. Иди, готовься дальше к своей лучшей жизни, – ерничала дымная копия.

– Ты справишься, Верочка, – прозвучал рядом голос бабушки.

– Она – Вероника! И не вмешивайся старая карга! – зло взвизгнула дымная копия.

А Вероника мигом вспомнила, почему столько лет не появлялась в деревне. Последний разговор с бабушкой, вышел совсем не таким, как хотелось бы. Извиниться она так и не успела.

– Ба, я... – горло перехватило спазмом.

– Да знаю я все, – отмахнулась бабушка. – Давай, не робей. Лучший подарок для меня – знать, что ты наконец живешь так, как хочешь.

Бросив взгляд на бабушку и глубоко вздохнув, Вероника бросилась на свою дымную копию и... пронеслась мимо, буквально сквозь дым. Она упала, на вновь закровившие ладони, под издевательский смех своей дымной копии. Захотелось свернуться калачиком и заплакать, но Вероника поднялась, отряхнула руки друг о друга, размазав кровь по ладоням, и предприняла новую попытку. К ее удивлению, попытка удалась. Видно кровь помогла, отстраненно подумала Вероника, и со всей силы толкнула свою дымную копию в костер. Взметнулось пламя, поглощая дым, и та пропала.

– Умница, Верочка. Теперь я за тебя спокойна, – поцеловала Веронику в лоб бабушка.

– Ну что, пошли веселиться? Кстати, я Инесса, – произнесла девушка.

Верони.. Вера.

– Слышала. Идем танцевать.

Они танцевали и веселились всю ночь, отмечая самый длинный день этого года. А на рассвете, расселись у костра. Стояла ночная тишина, но не гнетущая, а теплая, согретая сердцами, сидевших у костра, женщин. Появился первый солнечный луч, и осветил сияющие лица вокруг. Вера аж рассмеялась от радости.

Бам! Бам! Бам!

– Хозяйка, открывай! – в дверь настойчиво стучали

– А? – подняла от стола голову Вероника, потеряла затекшую шею и прошла к двери, открывать.

За дверью обнаружился какой-то мужчина.

– Вы интернет провести хотели? Я подключу вас, договор заполните пока что.

– А, да, конечно.

Заполнила договор на интернет, следом пришли и вновь включили перекрытые газ и воду. Щелкнув выключателем, Вероника обнаружила, что и электричество тоже дали. Выпроводив всех, уселась, вновь, перед окном с чашкой свежесваренного кофе. Посмотрела на остатки сгоревшей свечи.

– Вот это сон, – протянула Вероника и подтянула шаль. Стоп. Шаль? Вера-Вероника потрогала бабушкину шаль, не мерещиться ли ей, и вновь задумчиво взглянула в окно, за которым ласково светило солнце.

Ангел одиночества

Миша приехал к бабушке с дедушкой, предвкушая веселое лето. Выскочил из машины и, закинув вещи в свою комнату, помчался к друзьям.

Добежав до первого – увидел машину в которой сидел Сережка. Его папа пытался захлопнуть битком набитый багажник.

– Сережка! – закричал Миша подбегая, – ты чего это грустный и в машине?

– Мы на море едем, на месяц, – понуро пробормотал Сережка.

– Как это? – удивился Миша.

– Сколько печали на лице, – подходя проговорила Сережина мама, и усадила его сестренку на соседнее сиденье. – Многие мечтают о море. А ты понурился и изнылся весь.

– Ну и ехали бы без меня.

– Разговор окончен, – на этом багажник машины захлопнулся, и Сережин папа сел за руль.

– Не переживай, – обратилась к Мише Сережина мама, – Через месяц приедем и будете носиться по деревне. Передавай привет родным.

И машина укатила, оставив ошарашенного Мишу. Немного подумав, он отправился к Коле.

– А Коленька в больнице еще, через неделю выпишут и приедет. Погуляй покамест один, Мишенька, – проговорила Колина бабушка. – На вот пирожок.

– Спасибо, – Миша взял пирожок и отправился домой.

Чувствуя обиду и злость, что все планы разрушены и лето началось как-то не так, Миша пришел домой.

– А ты что это дома, Миша? – спросила бабушка.

– Никого нет, – буркнул Миша.

– Ну, скоро приедут. Не переживай. Иди дедушке помоги. огород поливать.

– Не переживай, – пробормотал под нос Миша, выходя во двор. – Вам легко говорить.

– Хорошо, что ты дома, – закричал дедушка с другого конца огорода. – Следи и крикни, как вода пойдет.

Усевшись на траву, Миша стал наблюдать за множеством шлангов. Дедушка каждый год пытался настроить систему полива, придумать, как лучше, но все что-то не получалось и он каждый год ее подправлял.

Что делать, когда ребят нет? Скучно же. Это вместе на великах гонять весело, с тарзанки прыгать... А одному... Миша тяжело вздохнул.

– Ну как – льется? – донесся голос деда.

– Из трех да, из четырех нет, – откликнулся Миша.

– Так я так и хотел, – обрадовался дедушка. – Пошли теперь дрова пилить, а вечером яблоки запечем.

– Хорошо.

Лежа вечером в постели, Миша расплакался от обиды. Хотя уже давно не плакал. Он же не малыш какой.

– Плакать не стыдно, – прозвучало в темноте, и на кровать присело существо, тело которого только угадывалось по искоркам, мерцающем в темноте. Мише даже показалось, что за его спиной есть крылья. – Особенно, когда у тебя есть причина.

– Ты кто? – ошарашенно спросил Миша.

– Ангел одиночества.

– И что ты тут делаешь?

– Поддерживаю тебя. Ведь я знаю, что это такое. Но одиночество – оно разное. В нем можно найти не только пустоту, но и новые интересы, увлечения и услышать себя.

– Мне нравится играть с ребятами, а их тут нет.

– И это тебя очень огорчило, понимаю.

– Все говорят, не волнуйся.

– Твои планы разрушены и ты чувствуешь обиду. Ты можешь волноваться и переживать. Это нормально.

– Чем мне теперь заниматься все лето? – слезы предательски снова подступили к глазам.

– А чем ты хотел заниматься все лето? – прозвучавший в голосе Ангела неподдельный интерес, будто снял черную завесу отчаяния, из-за которой Миша видел только разрушение своих планов.

– Я хотел сделать плот, и проплыть на нем по реке до острова. Тут недалеко. Но на лодке не интересно. А вот свой плот... Мы с папой одну книгу читали “Кон Тики” называется. Они на плоту 101 день путешествовали. И я подумал:

неужели мы один день не сможем? –

Миша сам не заметил, как рассказывая это, приподнялся на локтях, глаза его горели воодушевлением.

– Надо же. А ты сможешь сделать плот?

– Да, я посмотрел как. Только один – вряд ли справлюсь. Да и долго делать буду, проверять... – Миша опять погрузился.

– А скажи, может тебе дедушка поможет? Вы же днем пилили.

– Может и поможет, – задумался Миша. – Только делать все равно долго. Хотя... Так ребята как раз приедут. Кольку так точно из больницы выпишут, – снова обрадовался Миша.

– Видишь, как все здорово получается.

– Да, наверное, – Миша поудобнее устроился на кровати. – А ты еще придешь? Ну, если мне опять потребуется поддержка.

– Конечно приду, – Миша почувствовал в голосе Ангела улыбку. – Обязательно.

И Миша уснул.

На утро он попросил дедушку – помочь построить плот. Тот удивился, но тут же стал прикидывать: что им для этого потребуется. И они воодушевленно строили планы за завтраком.

А Ангел одиночества, тихонько постоял за окном и пошел дальше, на помощь тому, кто заблудился в своей тишине.

Спаситель

Света сидела у окна и смотрела на проносящиеся мимо деревья. Любимые треки, как сопровождение к фильму, дали ощущение нереальности, но важности происходящего.

Электричка неслась сквозь лес. Тот самый лес, в котором ее еще ждут. Или уже не ждут. Но надежда, как известно, умирает последней.

Все лето и осень она навещала умира... болеющего. Он истончался и чах день ото дня. Она приносила ему вкусности, обнимала, согревая теплом. Сидела рядом часами, рассказывая все новые и новые истории, пела колыбельные и уходила. Он стал ей таким родным. И хоть не произносил ни слова, она чувствовала, что он ждет ее.

Но зима внесла свои коррективы, вкупе с невозможностью пробираться по сугробам. И вот, наконец, весна.

Ласковое солнце, мелькающее в просветах деревьев во время езды, коснулось ее лица на станции, и тут же разгладило тревожную морщинку на лбу. И Света улыбнулась. Она вернулась. Ветер ласково потрепал по волосам, подталкивая в нужную сторону. Она пошла по тропе, ничего общего не имевшей с летней. Сейчас ее только натаптывают слегка сумасшедшие: ранние дачники. Дойдя до развилки, свернула, чисто по памяти, и пошла вперед. Тут деревья были выше, чем в той стороне, куда пошла уже заметная тропа. И кроны, хоть еще с зачатками листьев, но смыкались так высоко и

плотно, что не оставляли возможности весеннему солнышку пробиться к земле и растопить снег.

Тишина в этой части леса всегда заставляла ее насторожиться и замедлиться. Всегда складывалось ощущение, что вот-вот выскочит леший, недовольный ее вторжением. И неважно, что ей уже не 9, а 29.

Бабушка всегда говорила, что в лесу нужно вести себя тихо, слушать как между деревьями носится ветер, переговариваются птицы, животные и насекомые. Ведь чем тише себя ведешь, тем больше волшебства заметишь. Бабушка сама носилась по этому лесу в детстве, и ей тоже самое выговаривала ее бабушка. Это внезапно промелькнувшее воспоминание заставило Свету улыбнуться. Бабушка передала это знание Свете, чтобы та, в свою очередь, передала его дальше. И это именно бабушка всегда водила ее к нему, чтоб помнила спасителя. Эта мысль придала Свете ускорения. Пробираясь по оставшимся сугробам, она мигом запыхалась и вспрела, но темп уже не сбавила. Вот кусты малины, рядом, пока невидимый, ручеек, направо, еще направо и вот она – поляна. Света вывалилась на поляну тяжело дыша и упала на колени. Умер.

Огромный, некогда сильный и высокий дуб, лежал на боку. Тот самый дуб, на котором пересидела свою самую страшную ночь в жизни прапрабабушка. И к которому всегда приводила всех детей и внуков, наказывая почитать и заботиться. Пока стоит он – будет в их семье все хорошо. А

если срубят...

Света не очень верила в эти сказки, слушала скептически. Но три года назад, когда лесник захотел его срубить, в целях безопасности гуляющих – Света не дала. Лесник помнил ее бабушку и, пожав плечами, отказался от затеи, только везде предупреждения повесил. И тогда же она стала порой приходить к дубу. Возле него ей всегда становилось спокойнее. А прошлым летом она заметила, что дуб увядает. И стала ходить к нему постоянно.

Встав с колен, едва переставляя ноги, Света подошла к дубу и рухнула на его теплый, согретый солнцем бок. Погладила по коре и заплакала. Дуб – был единственным, кто ее связывал с родом. Теперь у нее совсем никого не осталось.

На поляне деревьев, кроме дуба, не было. И солнце щедро делилось теплом. Оно постепенно высушило соленые дорожки на лице и Света заметила что-то странное на пне. Она придвинулась ближе и ее глаза засияли. Из пня тянулся к солнцу росток совсем молодого деревца.

Садовник (с двумя концовками на выбор)

Когда-то, рос один сад на земле. Садовник, которому принадлежал сад, был чудной очень. Он любил ездить по разным странам и привозить в свой сад новые сорта роз. Он сажал их в взрыхлённую землю, поливал старательно (даже корни порой подгнивали), зная что им нужна вода, и обрезал лиш-

ние стебли. Стоило появиться бутону – он его срезал, думая, что это не роза, а какой-то неведомый ему ненужный нарост. Ведь все бутоны в чужих садах, которыми он любовался, всегда были с проглядывающими лепестками. А потом быстро распускались и стояли долго-долго, источая божественный аромат.

Он часто прогуливался по соседним улицам и любовался на чужие сады. Вот тут: розы пышные, а здесь: кусты даже с подпорками и розы в таком количестве, что не будь подпорок, куст лег бы на землю. Вот в этом саду установили даже арки, и розы их старательно обплели, и каждый, кто проходил под ними, был окутан запахом роз. А в этом саду розы даже за забор перевешиваются.

Ходил Садовник, смотрел и злость его такая взяла, что пошёл он в свой сад и выкорчевал – не оправдавшие его надежды – розы. Перекинул часть самых дорогих и ценных кустов за забор, потом посмотрел на оставшиеся, простенькие, и разрыдался. Махнул рукой и скрылся в доме.

Зарядил дождь, и это так соответствовало его настроению, что он не выходил из дома долгое время. Дождь то лил, то прекращался. Изредка, выглядывало теплое солнышко. Оставшиеся кусты роз потихоньку оклемались, и расцвели робкими бутонами.

Садовник так обрадовался. Несколько дней он сидел и любовался своими розами, пока они не стали облетать. Новые, конечно же, подрастали, но он их обрезал так же скрупулез-

но, как и раньше. А потом, посмотрел, что роз мало осталось, встрепенулся и побежал к соседям, чтоб успеть похвастаться, что у него розы тоже есть.

Приходит к одному, видит, надо же, какой редкий сорт роз тот посадил, такой же, как он когда-то привез. Зависть взяла Садовника. Решил, что нечего своими махонькими розами, перед такими хвастаться, пошёл к другому. Приходит – и у него редкие розы распустились. Повернул дальше, идёт и видит: третий, возле кустов возиться, ухаживает. А сорт то, сорт! Он за таким полгода охотился. С заводчиками связывался. Еле уговорил ему их продать. Расстроился Садовник, собрался назад повернуть, да тут сосед оглянулся, заулыбался.

– Смотри, как прижились, – махнул рукой в сторону роз. – Спасибо тебе, что поделился, да за забор вынес. То-то ты в свой сад никого не пускаешь, – подмигнул с улыбкой сосед. – У тебя там, наверное, вообще красота.

1 Концовка

Садовник натянул улыбку, поняв, что все эти розы, украсившие сада соседей – его. Опечалился и пошел домой, в свой сад. Хотелось бы сказать, что он розочки свои, оставшиеся, хоть и простенькие, ценил. Но нет. Пока шел, печаль прошла, уступив место злости. Он вернулся в свой сад и искромсал их под корень. И довольный пошел чай пить. Решив, что розы ему больше ни к чему.

2 Концовка

– Да, красота, – Садовник натянуто улыбнулся. – Пожа-луйста, – потом присмотрелся, а тут выростов полно, что он срезает. Ткнул в них пальцем. – А это что?

– Так бутоны, зеленые пока что, – странно покосился на Садовника сосед.

– А-а-а-а, я без очков просто, – оправдался садовник и сбежал опечаленный.

Понял, что делал он многое не верно. С тех пор подглядывал он на то, как другие с розами обращаются. И ездить стал не за новыми сортами, хотя и их, порой, привозил, а для обмена опытом взращивания роз. Сад его разросся так, что розы перестали в нем помещаться, и садовник убрал ограду, позволив розам красиво виться вокруг всего сада и разрастаться дальше, по всей улице.

Лентяйка (с двумя концовками на выбор)

Когда-то Люсиль называли лентяйкой. Точнее – в детстве.

Каждый раз, когда она чего-то не понимала, делала медленно или получала неудовлетворительную оценку – ее не спрашивали: «Чем тебе помочь?» или «Что случилось?». Ей говорили: «Плохо стараешься», «Да ты просто «гений» знаний», «Слишком много ленишься». Ей очень не хотелось быть лентяйкой, и она всегда старалась доказать, что она хорошая, трудолюбивая, умная... Она очень хотела, чтобы ею гордились. Но чем больше она старалась, тем хуже у нее по-

лучалось. Она расстраивалась, слушала обидные слова, сжимала плечи и продолжала стараться.

Однажды, она прочитала в одном журнале про планирование своего дня. И, обрадовавшись, составила свой план, на каждый день. Много много дел. Не важно каких, об этом она не задумывалась. Ей было не важно – что достигать, она просто мечтала, чтобы ее считали трудолюбивой и занятой, поэтому в ее плане не было ни секунды свободного времени. Если книжка, то по развитию или по профессии, если фильм, то обучающий. Все со смыслом, все с пользой. Она оценивала свой пройденный день по одному вопросу, заданному себе перед сном: “Сколько дел я сделала за сегодня?”. И если можно было назвать больше 30 – она довольная засыпала, а если нет – вертелась и вздыхала в постели, и, мучаясь угрызениями совести, придумывала себе, в наказание, новое дополнительное дело.

И вот, празднуя свое 45-летие с двумя единственными подругами, еще со школьной скамьи, Люсиль получила подарок – поездку на море. Подруги знали, как она когда-то мечтала о море. Ведь даже журнал, в котором она прочитала про планирование, был куплен, потому что на обложке было море. Люсиль даже расплакалась, увидев этот подарок, чем расстрогала подруг до слез. Так они и рыдали втроем над тортом, пока свечи, догорев, не погасли, залив всю красоту из мастики, воском.

Впервые взяла Люсиль на работе отпуск и, введя этим в

шок весь коллектив, она выбрала три книги из списка «на потом», на которые никогда не хватало времени, и отправилась на море. Приехав и с трудом пролежав первый день на пляже с книжкой, не поняв ни слова из прочитанного, Люсиль осознала, что больше не выдержит. Она все время отвлекалась, пытаясь понять, куда же в это время препровождение добавить дела и какие? (а то ведь снова станет лентяйкой) И это никак не удавалось. Умаявшись за день от этих мыслей, с больной головой, Люсиль составила план отдыха на море на каждый день: утренняя пробежка, проплыть 50 раз до буйков, посетить новое место (экскурсия или пеший поход), прочитать 100 страниц в книге... Успокоившись, от наличия плана, Люсиль наконец уснула и с утра приступила к его выполнению.

Экскурсию запланировать не успела, поэтому в 12 часов, когда на пляже не лежат, Люсиль встала и пошла по ближайшему маршруту в гору. Забираясь в гору, она все думала, что с непривычки даже этот простой маршрут ей сложен, жарковато. А потом...

Очнувшись в больнице, Люсиль долго не могла понять, что от нее хотят. Ей говорили, что на отдыхе, особенно, нужно придерживаться распорядка дня. Только тогда отдых пройдет хорошо и не принесет неприятных сюрпризов со здоровьем. Но она же придерживалась! Всегда живет по плану! Что им еще от нее нужно? Но, почему-то, услышав ее план, врач и медсестра округлили глаза. Оказалось, что ее

план – не подходит. Они под планом подразумевали нечто другое. Встала, позавтракала, погуляла/искупалась, вернулась, поела и поспала, либо на экскурсия съездила. Слово “съездила” – врач выделил особо. Потом снова на пляж и вечер, с музыкой, танцами и т.д. Врач многозначительно поприподнимал брови, а медсестра зарделась, как девица на выданье. Люсиль отнеслась к их распорядку скептически. Но попросила написать ей пример. Врач, к удивлению, согласился с энтузиазмом. И, вместе с выпиской, Люсиль предоставили план отдыха, заставивший ее нервно захихикать. Она, как то не вписывала в свой отдых ни спа, ни джакузи, ни даже просто массаж. А тут...

Начинался план интересно, с ограничений: никаких новостей, проверки почты или рабочих чатов. Выбрать один день, когда телефон, будет лежать в тумбочке. А дальше начиналось описание отдыха, о котором вздыхали подружки, сослуживицы, да все. А ее мама презрительно называла

Спать, пока тело само не захочет проснуться.

Завтрак там, где светит солнце – балкон, пляж или терраса / Завтрак в номер – фрукты, кофе, мед.

Лежать у воды, не думая, не читая, просто быть / Плавать / Лёгкое парео, тень, море, бокал, музыка фоном/

Обед – то, что хочется сейчас, не думая о правилах.

Массаж в отеле или на пляже: масло, тихая музыка / Массаж ног, свежий маникюр, взгляд в себя / Уход за телом: спа, обёртывания, уход за кожей головы / Медленная лодка, без

цели, только вода и отражения

Ужин при свечах, медленно, с благодарностью к себе /
Ужин под звёздами, может – в одиночестве, может – с кем-то новым.

Бокал вина, шампанского или свежавыжатый сок.

Ночная прогулка. Легкий бриз, шепот волн, босиком по песку.

Еще были напоминания других интересностей: фото-день – легкий макияж, красивые локации; купание в удалённых бухтах; морская прогулка; катание на SUP...

Такой отпуск папа называл: “Отпуск для уставших от ничего”, а мама поддакивала: “Ничего не делала, но устала душевно”. Если они о таком узнают, то... Хм, а узнают ли? Ей же сказали, телефон в тумбочке. Надо просто действительно запланировать фотосессию, и сказать, что это была единственная роскошь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.